

А.С. Наден
(г. Горловка, ДНР)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА *БАБА ЯГА* В ПОЭТИЧЕСКИХ И ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ РАБОТАХ К. Д. БАЛЬМОНТА

Аннотация. В статье рассматривается функционирование концепта *Баба Яга* в поэтических и литературно-критических работах К. Д. Бальмонта. Цель исследования – изучение особенностей концепта *Баба Яга* в произведениях автора. В результате было выявлено, что ядро концепта представлено достаточно полно. Результатом же авторского переосмысления является наличие ассоциативно-образных и эмоционально-оценочных коннотаций, которые вносят в модель концепта добавочные значения.

Ключевые слова: Баба-Яга, Достоевский, концепт, символ.

Изучение концептов, функционирующих в художественном тексте, занимает важное место в современных лингвистических исследованиях. Материалом для исследователей служат литературные произведения писателей, творчество которых наиболее достоверно демонстрирует значимые этнокультурные понятия. Раскрытие индивидуально-авторского понимания концепта способствует выявлению универсальных особенностей национальных концептов.

В данной статье мы рассмотрим функционирование концепта *Баба Яга* в работах одного из интереснейших творцов Серебряного века – поэта-символиста К. Д. Бальмонта. Материалом для исследования послужили как поэтические произведения автора, представленные в сборниках «Горящие здания», «Будем как солнце», «Только любовь», «Злые чары», так и литературно-критические работы «О Достоевском», «Гении охраняющие», «Флейта из человеческих костей» и др.

Цель исследования – изучение особенностей концепта *Баба Яга* в литературном наследии К. Д. Бальмонта, выявление его ядра, а также рассмотрение авторских ассоциативно-образных и эмоционально-оценочных когнитивных моделей.

Вопрос о том, что же такое Бальмонт, поставленный Валерием Брюсовым еще в 1921 году в неоконченной статье, до сих пор звучит актуально. Наследие автора включает не только сборники стихотворений, но и обширный пласт литературно-критических статей, биографической прозы, писем. К. Д. Бальмонта вдохновляло и интересовало многое: индийские и славянские сказания, грузинские песни, «новая драма», труды классиков и современников, офорты Гойя, симфонии Скрябина – список можно продолжать очень долго. Символистско-импрессионистское мышление писателя вызвало к жизни уникальную систему образов, которые репрезентуют концепты.

В работе С. Ю. Степанова «Константы: Словарь русской культуры» концепт *Баба Яга* получил всестороннее рассмотрение. Автор обращает внимание на злую и добрую ипостаси лесной колдуньи. Исследует этимологию имени, выявляет сходства с мифологическими героями других народов. «*Баба-Яга* – один из главных персонажей русских народных сказок, уродливая, злая и коварная старуха, обладающая большой колдовской силой» [5, с. 855]. Злая ипостась включает в себя колдунью, похитительницу детей и воительницу. Добрая – советчицу, дарительницу и целительницу. Этимология имени уходит корнями в индоевропейский язык, и также может рассматриваться двояко: «и.-е. *anǵh – узкий, тесный», «лит. éngti – душить, мучить»; «и.-е. *aej – обладающий жизненной силой, вечный», «греч. íâsis – лечение» [5, с. 857]. Двойственность концепта определяется не только противоположностью характеристик персонажа, но и его предполагаемой парностью.

Опираясь на индийские, древнегреческие, древнеримские, германские мифы и сказания, С. Ю. Степанов допускает наличие у русской *Бабы Яги* двойника мужского пола, утерянного брата-близнеца. Именно этим объясняется уточнение «баба», то есть Яга женского пола. Сближает нашу *Бабу Ягу* с

фольклорными героями других стран и ряд других черт. Прежде всего, это известная всем костяная (железная) нога. Индийский бог Яма был наказан за непослушание, его нога усохла, превратившись в костяную. Германские колдуньи Холле и Берта также являются обладательницами уродливых ног. «Вещный» атрибут – избушка *Бабы Яги* – имеет два входа и является переходом из мира живых в мир мертвых. Двуликий бог Янус – хранитель ворот, которые распахиваются во время войны, а Яма – повелитель мира мертвых. Деятельность пары Януса – Карды – сходна с любимым занятием *Бабы Яги*: она пугает и похищает детей. Интересным является соотнесение внешнего атрибута *Бабы Яги* – ступы, с «внутренним» значением имени немецкой колдуньи Штампы. В русский язык это слово пришло из индоевропейского «*stemp – толочь, мять». В то же время, имя Штампа (третье обличье вышеупомянутых Холли и Берты) производно от др.-в.-нем. глагола «stampfōn – тяжело ступать», в основе которого лежит «*stemp» [5, с. 863].

Все это составляет ядро концепта *Баба Яга*. Перейдем к рассмотрению авторских моделей. В стихотворениях К. Д. Бальмонта *Баба Яга* выступает в двух своих классических ипостасях. «Зловещий лик Яги» возникает то тут, то там («Химеры», «Ведьмы», «У болота»), но наиболее полно он раскрывается в стихотворении «Я с ужасом теперь читаю сказки». Психическое равновесие лирического героя нарушено, он страдает от кошмарных снов и кровавых ведений наяву: «*Я с ужасом теперь читаю сказки – / Не те, что все мы знаем с детских лет. / О, нет: живую боль – в ее огласке / Через страшный шорох утренних газет*» [3, с. 336]. Следует обратить внимание на тот факт, что стихотворение было написано в декабре 1905 года, как раз в то время, когда по стране прокатилась волна вооруженных восстаний. Для поэта-символиста это не просто событие социально-политического характера, это «сам дьявол на охоте» [3, с. 337]. Дьявол приводит героя в избушку *Бабы Яги*: «*Постой. Где я? Избушка. Чьи–то ноги. / Кость человечья. Это – для Яги? / И кровь. Идут дороги всё, дороги. / А! Вот она. Кто слышит? Помогите!*» [3, с. 337]. Очевидно, *Баба-Яга* здесь воплощение первородного ужаса: злая ведьма, питающаяся

человеческим мясом. Именно такой мы видим ее в ряде русских народных сказок.

Совершенно другое настроение создается в стихотворении «У чудищ», вошедшем в книгу «Фейные сказки». Книга посвящена Нинике – Нине Константиновне Бальмонт – дочери поэта. Она состоит из легких, напевных детских песенок, написанных со свойственным Бальмонту изяществом. Герои книги: Фея, Баба-яга, Кощей, Змей, ведьма, чудища, жучки, светлячки, стрекозы, муравьи, улитки, ромашки, лилии. Воспользовавшись шапкой-невидимкой, лирический герой проникает в избушку лесной колдуньи: «Я был в избушке на курьих ножках. / Там все как прежде. Сидит Яга. / Пищали мыши, и рылись в крошках. / Старуха злая была строга» [3, с. 300]. Баба Яга здесь не злая, кровожадная ведьма, а знакомый с детства персонаж народных сказок. Вся ее «злоба» ограничивается строгостью к мышам. Герою стихотворения настолько комфортно в ее избушке, что он даже решается на шалость: «Стянул у Старой две нитки бус» [3, с. 300].

Авторские коннотации возникают в стихотворениях «Тринадцать сестер», «Подменьш», включенных помимо сборника «Злые чары», в статью «Флейта из человеческих костей. Славянская душа текущего мгновенья» [1, с. 177]. Именно статья позволяет соотнести образы ведьм с *Бабой Ягой*, в ней К. Д. Бальмонт обращается к ведущим мотивам славянского фольклора. Текст построен как череда лирических размышлений, воспоминаний и впечатлений, навеянных народными сказаниями, вперемежку с поэтическими текстами автора. В уникальной системе символов, созданной Бальмонтом, флейта – символ человеческой души, стремящейся к беспредельному, к хаосу, к первоначалу. Звучание флейты воскрешает в памяти автора как языческих божеств (Перун, Мара, Лада, Заря и др.), так и персонажей народных сказок (*Баба Яга*, Кощей, Змей / Дракон, упырь, леший, домовый, Лихо и др.).

«Тринадцать сестер» – это стихотворение-пляска. Из потустороннего мира в мир человеческий вырываются тринадцать ведьм – прислужниц *Бабы Яги*, чтобы мучить людей. Трясея отправляет человека в тюрьму, Огня пытается

огнем, Ледея – холодом, Гнетя ложится камнем на грудь, Грудя усиливает гнет сестры, Глухая оглушает, Ломя ломит кости, Пухня насылает голод, Желтя – желтуху, Корчая – судороги, Глядея лишает сна, Сухая иссушает, Невя уносит в могилу. Здесь *Баба Яга*, через своих служанок, ассоциируется как с различными несчастьями, так и с самой смертью. Таким образом, К. Д. Бальмонт расширяет содержание концепта.

В стихотворении «Подменыш» поэт рассказывает историю несчастной женщины, чьих детей похитила и убила ведьма. История вплетается в видение лирического героя, который вдруг оказывается в глухом лесу и у болота встречает убитую горем мать. *Баба Яга* выступает здесь в своей злой ипостаси, традиционной для нее.

Неожиданные коннотации приобретает концепт в критических статьях «О Достоевском» и «Гении охраняющие». Автор пишет: «В русских народных сказках часто повторяется образ страшной волшебницы, которая называется *Баба Яга*. Обладающая тонким обонянием и способностью угадывать события на расстоянии, Колдунья *Яга* может носиться как ветер «...» Она летает в железной ступе, в сосуде, в котором раздробляют, измалывают вещество крушащим пестом. Она живет в избушке «...» А так как *Яга* и подчиненные ей ведьмы питаются душами людей, она и служащие ей делаются легкими, как души. Если брать именно эти черты жуткой Волшебницы «...» я не могу не вспомнить один из ликов бесконечно сложной, многогранной личности того гениального художника, чье имя – *Достоевский*» [2, с. 15]. Качества Достоевского-художника соотносятся с магическими качествами лесной колдуньи. Он обладает тонким чутьем, которое верно ведет по творческому пути, открывая души людей. У него есть «магическое зеркало» для разгадывания людских тайн. Любое душевное «вещество» он перемалывает, словно в ступе, в радужную магическую пыль, с помощью которой творит таинство – произведение. Его жилище подобно избушке, которая поворачивается в любую сторону, чтобы узнать «ночную тайну» и «дневную тайну». Он питается душами, вбирая в себя их сущность, поскольку сам познал

великую боль и великие соблазны. Как и *Баба Яга* Достоевский хранит ключ от бездны. Его романы «жуткая, колдовская и пророческая летопись» способная сделать человека немым [2, с. 17]. Статья проникнута истинным восхищением «гением охраняющим», одним из тех, кого К. Д. Бальмонт считал «горной вершиной» русской культуры [2, с. 24].

Подводя итог, отметим, что концепт *Баба Яга* является многоуровневым базовым культурным концептом. Ядро составляют культурно-исторические знания, существующие в сознании языковой личности: лесная колдунья, выступающая в двойной роли «добро – зло» и обладающая определенным набором магических умений и атрибутов. Ядро концепта достаточно полно представлено в произведениях К. Д. Бальмонта. Результатом же авторского переосмысления является наличие ассоциативно-образных и эмоционально-оценочных коннотаций, которые вносят в модель концепта добавочные значения: символ творческого пути, воплощение несчастий и смерти.

Библиографический список

1. Бальмонт, К. Д. Белые зарницы. Мысли и впечатления / К. Д. Бальмонт. – Санкт-Петербург : Изд. М. В. Пирожкова, 1908. – 217 с.
2. Бальмонт, К. Д. Где мой дом? / К. Д. Бальмонт. – Москва, 1991. – 46 с. – (Библиотека «Огонек» ; № 9).
3. Бальмонт, К. Д. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи / К. Д. Бальмонт ; [сост., вступ. ст. и коммент. Д. Г. Макогоненко ; ил. и оф. Н. Е. Бочаровой]. – Москва : Правда, 1991. – 608 с.
4. Куприяновский, П. В., Молчанова, Н. А. «Поэт с утренней душой»: Жизнь, творчество, судьба Константина Бальмонта / П. В. Куприяновский, Н. А. Молчанова. – Москва : Индрик, 2003. – 464 с.
5. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – Москва : Наука, 1997. – 456 с.